

Красное знамя

г. Томск

10 MAR 1988

КРАСНОЕ
ЗНАМЯ

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Только-только стихли аплодисменты переполненного зала. Тут же, на выходе, довелось услышать некоторые «экспресс-рецензии» зрителей, причем прямо противоположные: от восхищенных до негодующих. Да, творчество этого певца всегда вызывало жаркие споры и полярные оценки — верный признак того, что публика к Леонтьеву неравнодушна. Но какими бы разноречивыми ни были мнения, в одном зрители, думаю, должны быть единодушны: самоотдача артиста, его умение прожить на сцене песню и донести свои чувства публике, своеобразный творческий азарт, если хотите, не могут не вызывать уважения.

Вхожу в гримерную Леонтьева. Валерий отдыхает после выступления, не успев еще, как мне кажется, отойти от концерта. В гримерной много цветов — знак благодарности слушателей. И разговор наш начался с вопроса о впечатлениях... самого Леонтьева.

— В передаче Томского телевидения «Панорама» вы сказали, что пока еще не удалось почувствовать зрителя. Этот разговор состоялся в самом начале гастролей. А сейчас?

— У моего музыкального руководителя здесь близкие родственники, и, когда мы ехали сюда, она говорила мне, что Томск — это студенческий, молодежный город. И я ожидал благодатную, энергичную, экспрессивную аудиторию. Но мои ожидания, увы, пока не оправдались. Вообще мне приятно видеть на своих концертах любого зрителя, но особенно радостно — молодежь и студенчество. Потому, что это та аудитория, которая очень живо реагирует, которую не нужно уговаривать потанцевать и у которой, если возникает доверие к исполнителю, то это крепко и надолго.

Но в первых рядах произошло видеть людей, которые танцевали последний раз очень давно, на собственной свадьбе. А у меня значительно изменился репертуар, изменилась манера подачи, и мне хотелось бы видеть сопереживание, сочувствие — непосредственный живой отклик слушателей. Впрочем, я не хотел бы сказать, что зритель пришел «плохой». Нет, пришли люди от мала до велика, и спасибо им за то, что они испытывают интерес. Единственное, чего мне не хотелось бы, — видеть зрителя, который пришел просто поглазеть.

— В песне, которой вы открываете концерт, есть такие строки: «Трудно стать самим собой...». Стать самим собой, очевидно, найти свою песню?

— Признаюсь, я не принимаю этот термин — «своя песня». Главное — почувствовать себя на сцене, определить свои слабые и сильные стороны, свою манеру исполнения, меру своей убежденности в то, что ты делаешь. И «Белая ворона» — моя песня, и рок-н-ролл про небо-скребы — тоже моя. И социальный плакат, и песня гражданского звучания (я их спел немало) — тоже мои.

А найти себя — это, повторю, найти во всем песенном многообразии свои границы. И в этом направлении экспериментировать. Мне кажется, «искать себя» можно всю жизнь: человек неисчерпаем.

— Валерий, вы сказали, что «Белая ворона» — ваша песня. На концерте мы еще раз убедились, что она пользуется огромной популярностью. И, видимо, многих интересует: «Автобиографично» ли это произведение?

— Автобиографично? Да, пожалуй, это во многом и моя судьба. Я долго был в положении этой самой «белой вороны». Думаю, что любой человек, находящийся вне какой-то традиции, становится «белой вороной», и только время рассудит, кто прав, а кто нет.

Разумеется, эта песня (прием не нов) — не о птицах. Я пою о людях. Наверное, три-четыре года назад «Белой вороне» не суждено было звучать, как не дали мне тогда спеть песню «Афганский ветер».

Воронка и еще воронка, Сквозь лет разлом. Зачем стучишься,

«похоронка», В панельный дом?

Такой был в ней припев. Сейчас другое время, и я хо-

чу включить эту песню в будущую программу.

— Кстати, будущие программы — это ваш творческий поиск. Не могли бы вы сказать, как он будет развиваться?

— До недавнего времени у меня в репертуаре преобладала музыка Раймонда Паулса. Мы записали два диска — «гиганта», много ездили с концертами. Но пришел момент, и я почувствовал, что этими песнями не смогу ничего сказать, кроме того, что уже сказано. И что если я и дальше буду продолжать это делать, то тихо и незаметно уйду, так сказать, на пенсию. А этого бы мне не хотелось. Поэтому сегодня я сознательно обратился к новым темам, ритмическим конструкциям, к новой манере одеваться, к новой манере вести себя на сцене — более агрессивно, что ли. Обратился к авторам, чьи имена ничего не говорят широкой публике. Но они иначе мыслят.

А с другой стороны, чтобы не разочаровать зрителей, привыкших к тематическим программам, к театральности, мы записали оперу. Настоящую оперу с либретто, развитием действия, героями. Название — «Джордано Бруно». Ее выпускает фирма «Мелодия» альбомом из трех пластинок, а в мае мы начинаем готовить сценический вариант. То есть в моем репертуаре будет существовать музыкально-драматический спектакль.

— «Джордано Бруно» — моноопера?

— Нет. Заняты оркестр, кинематографы, солисты Лариса Долина, Володя Пресняков, оперный бас Владимир Панкратов, Павел Смеян в одной из главных ролей, артисты Большого театра. В общем, это будет продолжением традиции театральности на эстраде.

— Ведь вы по образованию режиссер...

— Да, в прошлом году закончил Ленинградский институт культуры. Так что, как видите, «рою» в двух направлениях. С одной стороны — в поп- и рок-музыке, с другой — в театре.

— И какая, на ваш взгляд, стезя приведет к успеху?

— Видите ли, у каждой музыки есть свой слушатель. Я думаю, что аудитория поп-музыки омолодится, а те, кто хочет видеть во мне драматического актера, придут на оперу.

— Для многих слушателей было неожиданно ваше исполнение в одной из телевизионных программ «Рондо» Моцарта. Почему вы обратились к творчеству гения музыкальной классики, далекого от эстрады?

— Случайным это, конечно, не было. В начале восьмидесятых годов мне нередко доставалось на худсоветов: «Что это за музыка — бесконечные пляски, всякие там блестяшки?». Тогда, напомним, популярна была музыка «диско». И вот мне говорили: «Где же вечное, где Моцарт, например?». Вот я и сделал «Рондо». А так ли уж далек Моцарт от эстрады? Да, он писал гениальную музыку, рассчитанную на работу ума и сердца, но он же писал и музыку

песенке была какая-то проблематика. В «Выставке собак», например, под которую хорошо танцевать, есть своя, хоть и неглубокая, философия.

— Валерий, есть ли у вас идеал певца? Чье творчество вас привлекает?

— Как-то так получилось, что у меня не было артиста или артистки, по которым я «засыхал», собирал их фотографии и так далее. Я любил и люблю артистов, совершенно полярных в своем творчестве. Например, Фа-

— Мы работаем вместе довольно часто, бываем вместе на гастролях. С некоторыми из них поступали в институт культуры, так что у нас давние добрые отношения. У них прекрасная программа: джаз, обработка «Битлз». Делаем совершенно разные вещи и, мне кажется, друг другу не мешаем.

— Мы знаем, что вы недавно вернулись из Индии. Правда, знаем не как много. Каковы ваши впечатления об этих гастролях и оградитесь ли «индийская» тема в вашем творчестве?

— Сложный вопрос. В короткой беседе обо всем не расскажешь. По просьбе ТАСС я написал статью «Расскажу об Индии». Возможно, она будет опубликована, и тогда читатели узнают о моих впечатлениях. Страна эта настолько интересна, настолько неисчерпаема, что за два месяца гастролей познакомился с Индией лишь «шапочно». Но это была первая в моей жизни зима, которую я провел на пляже.

— Как принимали наших артистов зрители? Ведь языковой барьер, как-никак...

— Признаться, я тоже этого боялся. К тому же у нас представление об индийской музыке только из кинофильмов. Но там перебивали уже многие зарубежные исполнители (перед нами, например, выступал «Юрай Хип»). Прием был фантастическим! Публика все прекрасно понимает и «заводит» с пол-оборота. У полиции всегда была масса проблем на концертах, потому что незаметно зрители оказывались на сцене. Я мечтал бы о таком зрителе до конца своих дней.

Что же касается того, отразится ли «индийские мотивы» в моем творчестве, скажу прямо: вряд ли. Слишком мало мы там были. Ведь музыка — это философия, образ мыслей, и все это надо понять, прочувствовать.

— Валерий, можно несколько щекотливый вопрос? Ходят слухи о ваших сверхъестественных гонорах в Томске...

— В последнее время я получал свою концертную ставку — 47 рублей 50 копеек — «потолок» на эстраде. А потом трем певцам — Пугачевой, Ротару и мне — сделали исключение и перевели нас в разряд оперных исполнителей. Так что получаем свою установленную оплату.

— Но, думаю, все убедились, как зарабатываются эти деньги — огромным трудом. Как вам, кстати, удается сохранять такую превосходную форму?

— Это — многолетняя привычка, моя природная живость, энергичность. У меня, знаете, не возникает опасения, что потолстею. Все время в работе, в движении, и, думаю, главное — не останавливаться.

— Ну и тренинг ежедневный?

— О-о-о-о... Какой там тренинг! Стараюсь побольше спать, мне нужно хорошо выспаться перед выступлением.

— И, наконец, последний вопрос. Наша беседа проходит в самый замечательный весенний праздник. Валерий, ваше слово о женщинах!

— Каждая женщина живет в ожидании чего-то необычного, и хочется пожелать ей осуществления этой мечты. Каждая хочет, чтобы был человек, который ее боготворил, — так пусть он будет рядом с ней! И, наконец, каждая женщина хочет как можно дольше оставаться привлекательной. Когда, увы, наступает то время, что не помогает уже косметика, спасти может только определенное состояние души. Мне бы хотелось, чтобы каждая женщина и до седины оставалась такой, к каким тянутся люди. И тогда она будет чувствовать себя королевой!

Беседу вел
Е. ФРОЛОВ.
Фото Е. Лисицына.

„Трудно стать самим собой...“

НАШ ГОСТЬ — ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ

для дискотек того времени, то есть для балов. И ее я исполняю сегодня.

— Не так давно получили распространение различные хит-парады. Оценки вашего творчества в них (например, в «опросах газеты «Московский комсомолец» и ТАСС) весьма различны...

— Мне трудно характеризовать ситуацию в «Московском комсомольце» и быть при этом объективным. У этой газеты своя читательская аудитория, молодежная. И не исключено, что «Белая ворона» им непонятна. Возможно, они вспомнят об этой песне, когда сами окажутся в положении «белой вороны».

Сказанное, впрочем, не означает, что я вообще против критики. Критика должна быть профессиональной и конкретной. Говорите мне, что у меня не так, почему и что надо сделать, чтобы это исправить. Но не стоить же говорить: «Это — плохо, и все тут». Я часто посылаю в зал людей, которым доверяю, а после концерта, отбрасывая комплиментарную часть, обсуждаем, что я сделал не так, где, например, была неверная интонация или «кривое» колено. Такие разборы помогают.

— А, кстати, как вы относитесь к многочисленным пародиям «на Леонтьева»?

— Пародия — жанр, паразитирующий на нас, артистах. Но — в хорошем смысле, потому что есть блестящие, виртуозные пародии. Правда, есть такие, которые, кроме недоумения, ничего не вызывают. Если пародия талантлива, я буду хохотать у телевизора до упаду.

— На пародиях «Бим-бом»?

— Да, они это делают остроумно. А у Винокура не получилось. Или у нас комедия разная, или он не то «поймал». В общем, на Лещенко у него лучше получается.

— На прошлогоднем «Музыкальном ринге» в Ленинграде многие телезрители узнали Валерия Леонтьева не только как интересного исполнителя, но и как человека искреннего, серьезно и смело размышляющего. Думаю, что эта передача многим дала зрительям. Дал ли что-нибудь «Музыкальный ринг» вам?

— Пожалуй, впервые эстрадному певцу дали выговориться. И при этом выяснилось, что он в чем-то разбирается. Я этому рад.

— После этой телепередачи приходилось слышать мнения, что певцу Леонтьеву надо исполнять песни и глубокого философского содержания...

— В принципе, я стараюсь, чтобы даже в танцевальной

ину Георгиевну Раневскую и современных рок-музыкантов, которых даже наше осмелевшее телевидение все еще не рискует показывать.

Я, как и все мое поколение, воспитывался на нашей «официальной» эстраде, на тех пластинках, которые продавались, на тех музыкальных крохах, которые доходили до нас, например «Битлз». Всех этих исполнителей я любил и старался от них что-то брать.

— А теперь музыкальный вкус молодежи формирует и ваше творчество. На концертах мы убедились, что у певца Валерия Леонтьева много поклонников и поклонниц...

— Сюда в Томск приехали члены клуба «Вероока» из Ленинграда, имеющего, кстати, свои «филиалы» в Одессе и Туле. В Москве есть клуб «Вернисаж». Но популярность для меня — это прежде всего ответственность. Что бы ты ни сделал: как ты вышел из гостиницы, как вошел во Дворец спорта, как ты выступаешь на сцене, — все это обсуждается, комментируется. Так что каждый шаг в жизни и на сцене заставляет смотреть на себя со стороны.

Популярность, конечно, хороша, если не приобретает уродливые формы. Среди тех, кому нравится, что я делаю, есть и телефонистки, работающие на междугородней. По-моему, они поставили целью своей жизни умертвить артиста, звоня ему все двадцать четыре часа в сутки и ничего при этом не говоря. Есть люди, которые посменно дежурят в подъезде, занимаются «наскальной живописью», подслушиванием, подсматриванием.

Впрочем, те, кто приехал из Ленинграда в Томск, ведут себя, по-моему, прилично. Поддерживают на концертах, ведут дискографию. Оказалось, что у них есть материалы, записи, которых нет у меня. Если мне что-то понадобится, я к ним смогу обратиться.

— Валерий, немало зрителей, по достоинству оценивших ваши песни, осталось разочаровано репризой — разговорами связками между концертными номерами...

— А стоит ли «ударяться в философию» на эстрадном концерте? Поэтому мой разговор сводится к неизбежному репризам о той или иной песне. Тем более, что в условиях Дворца спорта «мудрые» разговоры «не пойдут». Когда я работал в концертном зале, в «камерных» условиях, читал стихи между песнями. Там это было к месту.

— Вы работаете в одной программе с ленинградским джаз-ансамблем «Диана-зона»...